

Максим Горький

**Предисловие к книге Ивана
Морозова «Разрыв-трава»**

Максим Горький

Предисловие к книге Ивана Морозова «Разрыв-трава»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2347795

Аннотация

«Иван Морозов, крестьянин Зарайского уезда, родился в 1883 году. Двух лет он потерял отца и остался на попечении матери, у которой было ещё четверо детей старше его. Мать часто рассказывала сыну о том, как люди жили до 61-го года, рассказывала об ужасах, пережитых лично ею, и порою говорила, что всё это „написано в книжках“, она была грамотна и происходила из секты молокан. Её рассказы пробудили в сыне желание учиться, с помощью матери он быстро выучился чтению на церковнославянском языке; первая книга, прочитанная им, — библия. Затем, по настойчивому желанию ребёнка, его отдали в сельскую школу, где ему особенно полюбилась „Хрестоматия“ Паульсона...»

Максим Горький

Предисловие к книге Ивана Морозова «Разрыв-трава»

Иван Морозов, крестьянин Зарайского уезда, родился в 1883 году. Двух лет он потерял отца и остался на попечении матери, у которой было ещё четверо детей старше его. Мать часто рассказывала сыну о том, как люди жили до 61-го года, рассказывала об ужасах, пережитых лично ею, и порою говорила, что всё это «написано в книжках», она была грамотна и происходила из секты молокан. Её рассказы пробудили в сыне желание учиться, с помощью матери он быстро выучился чтению на церковнославянском языке; первая книга, прочитанная им, – библия. Затем, по настойчивому желанию ребёнка, его отдали в сельскую школу, где ему особенно понравилась «Хрестоматия» Паульсона.

Стихотворения, помещённые в этой славной книге, которую, вместе с «Родным словом», многие вспоминают благодарно, вызвали у Морозова «необычайный восторг», как говорит сам он.

Однажды, под влиянием только что прочитанного стихотворения Пушкина, Морозов написал своё первое стихотворение; он долго прятал его как часть своей души, но случайно учительница обнаружила этот лепет ребёнка, заинтере-

совалась мальчиком и стала знакомить его с русской поэзией. Морозов прочитал Жуковского, Кольцова, Пушкина, и когда, «очарованный прелестью стихов» последнего, узнал, что Пушкин был убит на дуэли, это поразило его, он «не мог представить себе, как можно было поднять руку на полубога»?

Когда мальчик оканчивал школу, её посетил инспектор, учительница показала ему стихотворение Морозова, инспектор заставил ученика прочитать любимые им стихи, а послушав, предложил учительнице подготовить даровитого мальчика в учительскую семинарию.

Пусть дальше рассказывает сам Морозов:

«Не помня себя от радости, прибежал я домой. С каким восторгом рассказывал я матери обо всём происшедшем и как умолял её отпустить меня в семинарию! Мать, когда узнала от учительницы, что за всё время обучения в семинарии я буду на казённом содержании, – согласилась на мои просьбы, и я принимаюсь за подготовку в семинарию. Трудно было без помощи опытного лица; учительница уехала на летние каникулы, не у кого просить советов и указаний. А как раз – летняя пора: целый день проводишь в поле, исполняя посильные работы, и только вечером, когда все ложились спать, принимался я за уроки, да и то украдкой, чтобы старшие в семье не могли заметить и вырвать из рук книжку. Только в праздничные дни, когда уезжал в поле с лошадьми, я чувствовал себя свободно, располагался с неиз-

менной книжкой, и, быть может, не одна потрава соседних полос сделана была по вине забывшегося за книжкой мальчика. В конце августа приехала учительница, чтобы отвезти меня в семинарию. Мать категорически отказала ей. Как громом ударило меня, слёзы и просьбы не помогли моему горю, и никакие убеждения доброй учительницы не могли удержать мать от её сурового приговора. Впоследствии выяснилось, что нашёлся какой-то „добряк“, который и затормозил это дело. „Студентом будет, – говорил он матери, – а тогда толка от него не жди: и иконы побьёт в дому, и тебя из дому выгонит!“ Так все мои светлые мечты поглотила серая действительность. А на улице товарищи смеются над неудачником: „Что ж ты в студенты-то хотел“. Я остаюсь в кругу людей, которые не понимают моих стремлений... Зимой попадаю в волостное правление „на переписку бумаг“, „копии писать“; там по вечерам, оставаясь один, усиленно занимаюсь чтением и писанием стихов, просиживая до рассвета за любимыми занятиями. На собранные деньги, „чаевые“, покупаю себе книжки на рынке. Через волостное получалась почта – письма, газеты. Просматривая номер одной газеты, я нашёл там корреспонденцию из села, отстоящего от волости в пятнадцати верстах. Долго старался узнать, кто это пишет, и, наконец, выведал, что в селе есть старик, который „пишет в газетах“. Через одного знакомого завелась у меня с этим стариком переписка, и вскоре мы познакомились лично. Это был самоучка-писатель (блаженной памяти, умер в 1905 го-

ду, когда я был на военной службе), некто Влазнев, друг известного Сурикова.

Просмотрев мои стихи, он дал совет больше работать над ними, но не бросать стихосложения. В 1901 году два моих стихотворения напечатаны были в одной маленькой провинциальной газетке. В 1902 году, узнав из газет о существовании в Москве кружка народных писателей, посылаю туда несколько стихотворений, из которых два напечатаны были в одном литературном сборнике. С одним из членов кружка велась у меня переписка, которая кончилась тем, что в 1903 году я покидаю деревню и почти тайно уезжаю в Москву. Нелегко было деревенскому парню без средств скитаться по Первопрестольной.»

Этот сжатый, неяркий рассказ, видимо, написан человеком, который «скромен в горе, шумен в радости»; в этом кратком очерке внешней жизни скрыто много глубокой тоски и терзаний. Морозов умолчал о многом, испытанном им, – о труде, изнуравшем его, о тяжелой своей службе в солдатах и о том, как трудно ему, рабочему человеку, живётся теперь.

Не часто встречаешь в людях благородную способность мужественно молчать о личном горе, о личных обидах своих.

И редки ныне люди, которые, посвящая себя борьбе с духом уныния в мире, желали бы пробудить в сердце ближнего чувство бодрости.

Каждый раз, когда почта приносит серую тетрадку «грошовой» бумаги, исписанной непривычною к перу рукой, и письмо, в котором неизвестный и знакомый, невидимый и близкий человек просит «просмотреть» его опыты и сказать: «Есть ли у меня талант, имею ли я право на внимание людей», – сердце сжимается и радостью и скорбью, одновременно вспыхивает в нём великая надежда, и ещё яростней болит оно страхом за родину, переживающую ныне столь тяжёлые дни...

Радость – потому, что всё больше и больше присылают неуклюжих стихов, неумелой прозы и всё выше, бодрей звучат голоса пишущих; чувствуешь, как в нижних пластах жизни разгорается у человека сознание его связи с миром, как в маленьком человеке растёт стремление к большой, широкой жизни, жажда свободы; как страстно хочет он поведать свои юные думы, подбодрить усталого ближнего, приласкать свою грустную землю.

И так воодушевляюще жарка надежда на то, что скоро уже встанет, выпрямится наш пригнетённый народ и бодро, со свежелою силой вступит в общечеловеческую работу создания новой культуры, новой истории.

Но когда вспомнишь, сколь страшна жизнь каждого выходца из народа, каждого «писателя-самоучки», вспомнишь, в каких ужасных условиях он пишет свои «сочинения», какая масса энергии бесплодно тратится им на то, чтобы выразить мысль, уже выраженную до него; когда вспомнишь,

что человек часто погибает только потому, что недостаточно грамотен и нет у него времени учиться, – давит сердце скорбь за людей, страх за будущее страны, не умеющей помочь человеку.

Мы живём в стране малограмотной и в эпоху, когда грамота так же необходима в целях самозащиты, как в средние века каждому человеку необходимо было иметь оружие.

Пред нами – огромная работа реорганизации всей России на новых началах, нам следует заботиться о развитии и накоплении культурных сил, – сил этих у нас страшно мало сравнительно с тем спросом, какой предъявляет нам наше сегодня и предъявит суровое завтра.

Нам необходимо научиться беречь каждого человека, ибо он есть источник творческой энергии, – это необходимо нам более, чем какой-либо иной нации, вследствие нашей духовной нищеты и склонности к пассивному подчинению силам, враждебным нам, силам, затрудняющим культурный рост страны.

Никто не нуждается так сильно в развитии взаимопомощи и чувства дружбы, в развитии сознания единства наших задач, как нуждаемся в этом мы в наши тяжкие дни.

И, вместе с этим, нигде не ценят человека так низко, как у нас, нигде он не беспомощен более, чем среди нас, да и сами себя мы не умеем достойно оценить, хотя наша работа в стране и даёт нам право на самоуважение.

Мы живём среди народа, по природе своей даровитого, и

вот факт, неоспоримо подтверждающий это: ни одна страна Запада не даёт столь высокого процента самоучек-писателей, техников, основоположников различных сект, а если это явление возможно в столь отвратительных и тяжких для развития человека условиях, каковы условия русской жизни, мы имеем право верить в даровитость и силу духа нашего народа.

Даровитый, сильный народ – и не умеет изменить к лучшему унижительных условий своего бытия, – как это объяснить?

Ответ должны знать те люди, кому народ дал возможность подняться на высоту европейской культуры. Позорное противоречие, которое ныне становится противоречием, грозящим пагубой стране, находит своё объяснение в недостатке социального чувства, именуемого совестью.

Нужно ли говорить о том, что у русской интеллигенции нет более верного друга и соратника в борьбе за свободу, чем русская демократия?

Поэтому одинокие люди с вершин жизни должны внимательно следить за одинокими людьми, восходящими к ним снизу, следить и облегчать трудный путь для идущих. Многие из них, – как, например, Морозов, – идут к великой, всеобщей цели с прекрасной песней:

Блажен, кто сердцем изнывал,
Скорбя по светлым идеалам!

Кто шёл навстречу братьям малым,
На путь добра их призывал!

В сердцах грядущих поколений
Он будет жить из века в век,
Призванью верный человек,
Землёй рождённый добрый гений!